

УДК 821.124+821.111(73)

ЭЛЕГИИ СЕКСТА ПРОПЕРЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЗРЫ ПАУНДА

Н.В. НЕСТЕР*(Полоцкий государственный университет)**n.nester@psu.by*

Рассмотрены элегические произведения древнеримского поэта Секста Проперция (Sextus Propertius, ок. 50 – ок. 16 до н.э.) в творчестве американского поэта Эзры Паунда (Ezra Pound, 1885–1972). Э. Паунд обращается к творческому наследию Проперция, поскольку его привлекает нежелание римского поэта пропагандировать идеи Августа, его стремление дистанцироваться от общественной деятельности и обратиться к частной жизни, выражая дух своего времени и отстаивая творческую независимость. Творчество Проперция соответствовало художественным ориентирам Э. Паунда, поэтому он обращается к наследию римского поэта, используя фрагменты цитат из его элегий, переводя произведения Проперция с достоверной точностью, не искажая смысл подлинника. Посвященная римскому поэту поэма «Оммаж Сексту Проперцию» становится определяющей для творчества американского поэта, а слово «оммаж», вынесенное поэтом в заглавие поэмы, – связующим звеном между римской элегией и современной поэзией.

Ключевые слова: *элегия, маска, оммаж, перевод, переложение, наследие, влияние.*

Введение. Литературное наследие римского поэта Секста Проперция состоит из четырех книг элегий, посвященных возлюбленной Гостию, воспетой под именем Кинфии. К.П. Полонская отмечает, что в сборнике «поэт полностью изолирует себя от каких бы то ни было общественных интересов и стремится в этом же направлении воздействовать на читателей. Цель его – сконцентрировать все чувства, все внимание читателей на переживаниях любви. Большинство элегий Проперция – продуманный и детальный рассказ о любовных переживаниях, выразительная и правдоподобная передача чувств» [1, с. 76–77]. Так, в первой книге Проперций пишет о душевных муках, вызванных непостоянством возлюбленной, привлекая при этом мифологический материал с целью описания собственных чувств. Следует отметить, что «поэт то группирует элегии небольшими циклами, объединенными общей мыслью, то располагает их по контрасту; он вводит в свои элегии хорошо знакомых по изобразительному искусству и литературе мифологических героинь и героев и сообщает благодаря этому своим персонажам почти осязаемую реальность, делает их близкими не через описание, а через пластический образ, возвышает их над обыденной средой» [1, с. 77]. Несмотря на то, что Проперций пользуется уже сложившимися или взятыми из александрийской поэзии шаблонами или создает различные ситуации, но во всех элегиях чувствуется его собственное мироощущение. Во второй книге Проперций продолжает развивать тему любви, которая является для него главной жизненной целью, оценивая при этом собственную победу над Кинфией выше победы, одержанной Августом над парфянами (II, 14). В третьей книге наблюдается переход Проперция к новым темам, что свидетельствует о том, что Кинфия не играет в жизни поэта главной роли: «в этой книге почти нет элегий, посвященных Кинфии; нередко отвлеченные, теоретические рассуждения о любви заменяют искреннее чувство (III, 8). В конце концов поэт порывает с любовной элегией и символом ее – Кинфией. Он заявляет, что его возлюбленная была лишь собирательным образом, что теперь он освобождается от своей любви, проклинает рабство влюбленного поэта и ищет новые пути для своего творчества» [1, с. 79]. В четвертой книге Проперций пытается создать новый жанр римской поэзии: пользуясь привычным для него элегическим дистихом, намеревается написать произведение, стоящее между эпосом и лирикой, изложить сказания, связанные с городом Римом, взяв за образец «Причины» Каллимаха. Таким образом, Проперций при краткости изложения стремится насытить элегии картинными образами, использует сравнения, перегружает элегии излишней изобразительностью. Александрийская ученость, стремление к созданию наглядного пластического образа часто нарушают единство восприятия и делают его элегии недоступными для неподготовленного читателя.

Поэзия Проперция оказала огромное влияние не только на творчество последующих поколений поэтов и не только римских, например, на Овидия. Элегии Проперция не были так популярны, как элегии Тибулла, однако также были известны читающей публике, о чем свидетельствуют фрагменты из его произведений, начертанные на стенах в Помпее. Наряду с Тибуллом Проперция упоминают Марциал, Стаций, Плиний Младший и Квинтилиан.

В средние века произведения Проперция не пользовались популярностью. Интерес к его творчеству возник в эпоху Возрождения. Любовные сонеты Петрарки обнаруживают влияние творческой манеры Проперция. Аллюзии на произведения Проперция встречаются в творчестве Б. Барнса и Т. Кэмпсона. Произведения Проперция были творчески переосмыслены в «Римских элегиях» Гете. Римскому поэту

посвящает поэму «Оммаж Сексту Проперцию» (*Homage to Sextus Propertius*, 1917) Э. Паунд и стихотворение «Размышление от Проперция» (*A Thought from Propertius*, 1919) У.Б. Йейтс. Отношениям Кинфии и Проперция посвящено стихотворение американского поэта Р. Лоуэлла «Призрак» (*The Ghost*, 1946). Проперций является лирическим протагонистом стихотворения И. Бродского «Anno Domini» (1968). Британский драматург Т. Стоппард в пьесе-дискуссии «Изобретение любви» (*The Invention of Love*, 1997, рус. перевод 2007) обращается к исследованию английского поэта и латиниста А.Э. Хаусмена (*A.E. Housman*, 1859–1936), посвященного творчеству «изобретателей любви» Корнелия Галла, Катуллы, Проперция, Овидия [2]. Современные переводы произведений Проперция на английский язык появились в 2002 году – книга элегий Проперция «Propertius In Love: The Elegies» в переводе Д.Р. Слэвитта (*D.R. Slavitt*, род. в 1935 году) и в 2004 году – в переводе американского поэта и переводчика В. Каца (*V. Katz*, род. в 1960 году) – книга «The Complete Elegies of Sextus Propertius», получившая в 2005 году приз Американской ассоциации переводчиков¹. Объясняя такое пристальное внимание к творческому наследию Проперция, К.П. Полонская отмечает, что «интерес к поэзии эллигиков в новое время и их роль в мировой поэзии обусловлены тем, что они открыли новое отношение к любви как осознанному и обогащающей духовный мир человека чувству» [1, с. 81].

Основная часть. У американского поэта Эзры Паунда с Секстом Проперцием множество точек соприкосновения, проявляющихся на различных уровнях. Несомненно, Паунд был хорошо знаком с творческим наследием римского поэта, что подтверждается целым рядом фактов. Э. Паунд выбирает в качестве идейного вдохновителя и воплоителя художественных идей римского поэта, который искал точку опоры не среди своих современников, а пытался связать себя прочными узами с эллинистическими авторами. Как и эллинистический поэт Каллимах, Проперций противопоставляет эпическому стилю эллигическое творчество и стремится подражать своим предшественникам, старается привнести в римскую элегию элементы эллинистической учености, используя разнообразный мифологический материал, гречизмы и архаизмы, разговорные формы, повторяя одно и то же слово, допускает шероховатости в синтаксисе.

Из всех римских поэтов, представителей любовной элегии, именно Секст Проперций обладал стремлением выражать мысли не с той простотой и ясностью, с которой стремились их выразить Катулл и Тибулл, а с излишней сложностью, насыщая текст мифологическими аллюзиями, не позволяющими «докопаться» до сути тогда, когда читатель оказывается не подготовленным к восприятию данного текста, так как для него необходим достаточно подробный авторский комментарий. Подобное усложнение авторского текста характерно и для произведений Эзры Паунда, который отнюдь не стремился к простоте изложения, адресовал собственные произведения не неподготовленному читателю, а специалисту.

Э. Паунд обращается к творческому наследию Проперция, так как его привлекает нежелание римского поэта пропагандировать идеи Августа, его стремление дистанцироваться от общественной деятельности и обратиться к частной жизни, выражая дух своего времени и отстаивая творческую независимость. Авторы книги «Античная лирика» (В.Н. Ярхо, К.П. Полонская) отмечают, что «римская любовная элегия – чрезвычайно характерное явление литературы эпохи принципата Августа. Расцветшая в годы оформления нового стиля эпохи, она всей сущностью своей, самим фактом своего появления глубоко чужда, даже враждебна идеологии официального направления и его литературе скрытую оппозицию режиму Августа, но и растущую индивидуализацию, дальнейшее утверждение права поэта на раскрытие личных чувств в поэзии» [7, с. 162].

¹ Несмотря на трудности, связанные с переводом, элегии Проперция переводили на русский язык достаточно часто: А.А. Фет, Л. Остроумов, Н.Л. Магницкая, П. Соколин, К.Ф. Рылеев, А.Ф. Мерзляков, И.П. Крешев, А.П. Тамбовский, Ф.Е. Корш, Я.М. Боровский, Ю. Голубец, А.Н. Майков, Н.В. Вулих, С.В. Шервинский, П. Ободовский, И. Холодняк, П.К. Львов, И. Бороздна, П. Краснов, В.К. Третьяковский, Я.Э. Голосовкер, П. Львов, Н.И. Шатерников, А. Тейльс, И.И. Дмитриев, Н.А. Костров, П. Сумароков, А. Адольф [3, с. 351–353].

В наше время произведения Проперция переводит А. Цветков, публикующий свои работы в Живом Журнале (artsvet.livejournal.com) и Г. Стариковский, который отмечает, что «Проперций – самый трудночитаемый из триады эллигиков. На протяжении нескольких последовательных дистихов Проперций успевае сбить читателя с толку синтаксическими и лексическими головоломками, поставить в тупик выспренней александрийской ученостью, чтобы через строчку резко «изменить курс» и витийствовать уже на цicerоновской, *прозрачной* латыни. Для переводчика такая эквилибристика – суцая пытка. Традиционный подход к переводам Проперция – натянув на себя смирительную рубашку эллигического дистиха, стремиться к законченности и проясненности, свойственной этому стихотворному размеру. Иногда такие *проясненные* переводы воспроизводят не столько *элегию Проперция*, сколько *римскую элегию вообще* на манер Проперция, т.е. иногда отыскивают параллелизмы и антитезы там, где маячит горб Квазимодо. Другие переводчики ищут обходные пути – перекраивают смирительную рубашку размера, а то и вовсе от него отказываются. Или – переводят прозой, в которой можно без утаек и потерь развернуть образный ряд Проперция. Пожалуй, именно прозаический перевод всех четырех книг римского эллигика, выполненный А. Любжиным [4], дает наилучшее понятие о творчестве Проперция (изд. Греко-Латинский Кабинет Ю.А. Шичалина)» [5].

Так, Э. Паунд использует цитаты из элегий Проперция в качестве эпитафии, который предваряет сборник или поэтические произведения американского поэта. Сборник «Канцоны» (*Canzoni*, 1911) адресуется Э. Паундом Оливии и Дороти Шекспир и открывается эпитафией из элегии Проперция (II, XIII, 27): «Quos ego Persephoneae maxima dona feram»² [8, с. 346]. В качестве еще одного адресата автор избирает Персефону, которая, являясь богиней плодородия, дарует людям семена и растения, ассоциируется с богатым урожаем для людей, а произведения – с тем урожаем, которым снабжает поэт своих читателей. Вышеупомянутая цитата является конечным фрагментом фразы римского поэта: «Хватит мне, хватит вполне, коль в процессе будут три книги: / Как величайший свой дар их Персефоне несусь»³ [6, с. 312]. Возможно, Эзра Паунд, как и Секст Проперций, полагал, что достаточно написать три хорошие книги в течение всей жизни, несмотря на то, что элегический сборник римского поэта включает в себя четыре книги стихотворений. Проперций осознал действенную силу поэзии, но пока еще говорит о любовной лирике, а его вдохновительницей является Кинфия. Подобно Горацию, римский поэт «воздвигает» себе памятник и сочиняет автоэпитафию: «Два пусть напишут стиха: 'Кто ныне лишь пепел холодный, / Был когда-то рабом, верным единой любви'»⁴ [6, с. 312]. В паундовском сборнике «Канцоны» преобладают произведения, объединенные любовной тематикой, однако в отличие от элегий Проперция они посвящаются не конкретной девушке, а собирательному женскому образу.

Буквальный переводом элегии Проперция (II, XXVIIIc, 1–10) является паундовское стихотворение «Молитва о жизни его госпожи» (*Prayer for His Lady's Life*) из сборника «Canzoni». Здесь Персефона предстает властной богиней подземного царства, распоряжающейся судьбами людей. Поэтому лирический герой обращается к богам Аида (Персефоне и Плутону) с просьбой повременить со смертью его возлюбленной Кинфии: «Here let thy clemency, Persephone, hold firm, / Do thou, Pluto, bring here no greater harshness»⁵ [8, с. 394]. Тысячи красавиц ушли к озеру Аверн, одному из входов в подземное царство. В подтверждение того, что «your flame consumes them»⁶, поэт перечисляет мифологических красавиц Иопу (Антиопу) – дочь речного бога Асопа, возлюбленную Зевса; Тиро – возлюбленную Посейдона; Пасифаю – жену царя Миноса, мать Минотавра; Европу, дочь финикийского царя Агенора, похищенную Зевсом: «And all the fair from Troy and all from Achaia, / From the sundered realms, of Thebes and of aged Priamus; / And all the maidens of Rome, as many as they were»⁷ [8, с. 394]. Э. Паунд отказывается от последних шести строк, которые присутствуют в тексте Проперция и носят морализаторский посыл императивного характера: «Нет, не бессмертна краса, и счастье длится не вечно: / Рано иль поздно, но всех ждет беспощадная смерть. / Ты же, мой свет, избежав теперь опасностей грозных, / Ты учреди хоровод, дар свой Диане воздай, / Бдение ты учреди Изиде – бывшей телице, / Да уж и мне заплати должные десять ночей»⁸ [6, с. 346]. Повтор в конце стихотворения (в паундовском тексте он выделен курсивом и буквально воспроизводит начальные строки стихотворения) принадлежит Э. Паунду. Таким образом, данное стихотворение является довольно точным переложением элегии Проперция (II, XXVIIIc, 1–10) в отличие от поэмы «Оммаж Сексту Проперцию» (IX), в котором оригинальный текст римского поэта сильно переработан.

Название второй части стихотворения Эзры Паунда «Викторианские эклоги» «*Satiemus*»⁹ содержит аллюзию на элегию Проперция (II, XV, 23) «*Dum nos fata sinunt, oculos satiemus amore*»¹⁰. Стремясь к наслаждениям, Проперций изображает любовную страсть к Кинфии: «Знай, как эти листки, что слетели с венков помертвевших / И, одиноко кружась, плавают в чаше вина, / Так вот и мы: хоть сейчас любовь так много сулит нам, / Может быть, завтрашний день будет последним для нас»¹¹ [6, с. 317]. В отличие от римского поэта Паунд изображает не страсть, а противоположное ей чувство – разочарование в любовных переживаниях. Стихотворение «Викторианские эклоги» является также аллюзией на произведение Эрнеста Доусона, название которого восходит к той же элегии Проперция. Полемика с Доусоном прослеживается и на образно-словесном уровне: так, у Доусона – «вздыхающие ветви», а в конце стихотворения лирический герой просит возлюбленную перестать смеяться: «What if I know thy laughter word by word / Nor find aught novel in thy merriment?»¹² [8, с. 422].

² Лат. «Я их несусь Персефоне как самый великий дар».

³ Перевод Л. Остроумова.

⁴ Перевод Л. Остроумова.

⁵ Персефона, позволь своей милости оставаться твердой, / И ты, Плутон, не добавляй жестокости.

⁶ Ваше пламя пожирает их.

⁷ Все красавицы Трои и Ахаи, / Всех разрушенных царств, Фив и старика Приама; / Все девицы Рима, сколько их ни рождалось (Перевод О. Седаковой). [7, с. 395].

⁸ II, XXVIIIc, 27–28. Перевод Л. Остроумова.

⁹ Лат. «Насытимся».

¹⁰ Лат. «Пока нам судьба позволяет, страстью насытим глаза». Данная строка обыгрывается в поэме Паунда «Почтение Сексту Проперцию» (VII, 16).

¹¹ Перевод Л. Остроумова.

¹² Что, если я знаю твой смех наизусть / И не нахожу ничего нового в твоём веселье?

Важно подчеркнуть, что общей точкой соприкосновения современной культуры и культуры прошлых веков в паундовской поэзии является город Рим [9], ставший заглавной темой одноименного сонета. Пространство Вечного города в стихотворении представляется поэтом таким образом, что позволяет выделить характерные элементы прошлого и настоящего. Так, обращаясь к элегии Проперция (IV, I), Паунд выносит в эпиграф фрагмент строки римского поэта: «Dicam: Troja cadet, et Troica Roma resurges!»¹³. Рассматривая Вечный город в исторической перспективе, Проперций описывает образ Рима прошлого, периода расцвета, и образ Рима современного, пришедшего в упадок. Данная элегия написана в форме монолога, обращенного к страннику, с целью рассказать о своей родине. Именно для этого поэт использует принцип диахронии и излагает историю Рима от его основания, воссоздавая образ Вечного города посредством сравнения его прошлого и настоящего. «И хотя поэт объявляет, что отныне он связывает свою поэзию с Римом (IV, 1, 67–68.), однако он говорит о том, что его призванием по-прежнему остается поэзия любви. Новым и ценным в этой последней книге Проперция оказались те элегии, где он переходит к рассказу о любви других людей, т.е. возвращается от субъективной элегии к объективной. Дело в том, что он обогащает этот рассказ достижениями римской любовной элегии – пониманием духовности любви, которой не знала эллинистическая поэзия» [7, с. 160].

Особое место в творчестве Эзры Паунда занимает поэма «Оммаж Сексту Проперцию» (*Homage to Sextus Propertius*), написанная в 1917 году, опубликованная сначала в фрагментах в «Poetry» (1919), затем в сборниках «Quia Pauper Amavi» (1919), «Umbra» (1920), в окончательной редакции – в сборнике «Personae» (1926), впоследствии отредактированном Э. Паундом в 1958 году. Несмотря на то, что многие специалисты обвиняли Э. Паунда в невежестве и незнании латыни, отступлений от оригинала в тексте американского поэта немного: «В переводе Проперция Паунд вообще довольно точен; и явные анахронизмы только подчеркивают эту точность. Вряд ли задор проперциева понимания греческой элегии, как и паундовой интерпретации Проперция, следует понимать в саркастическом ключе, скорее это интенсивное создание независимой авторской позиции, ее самостоятельности в условиях гражданского кризиса» [9].

Поэма «Оммаж Сексту Проперцию» является по сути паундовской маской, за которой он скрывается, чтобы выразить собственные взгляды на творчество. Я. Пробштейн отмечает, что «следует выделить весьма шумевшее в свое время «Приношение Сексту Проперцию», принятое в штюки академическими кругами. «Проперций» Паунда – это и критическое исследование, и переложение (весьма вольное) Проперция, и «маска» Паунда, и молодой задор, даже некоторое зубоскальство, и гротеск (а в переводе М.Л. Гаспарова превалирует сарказм), и – главное – не только и не столько воссоздание атмосферы имперского Рима времен Проперция, сколько Англии после Первой мировой войны. Следует, однако, заметить, что поначалу Паунд преподнес «Проперция» как новое слово в переводе, что и вывело его противников из себя. Подражание мастерам и перевод были для Паунда разновидностью пристального чтения (а пристальное чтение есть своего рода перевод, заметим в скобках). Чтение же литературы от Гомера до Йейтса, которого Паунд уже тогда считал величайшим из всех современных ему поэтов, пишущих по-английски, не могло не привести молодого поэта к критическому пересмотру романтических традиций и современной ему поэзии» [11, с. 26–27].

Как явствует из названия, данное произведение посвящается Сексту Проперцию и представляет собой почтение или «оммаж» римскому поэту. Сборник «Ибо любил я, убог...» (*Quia pauper amavi*)¹⁴, в который была включена данная поэма, предваряет посвящение легендарному певцу и музыканту Орфею, имя которого является олицетворением могущества искусства. Поэма делится на двенадцать частей¹⁵, разных по размеру, при этом только четвертая часть имеет подзаголовок «Разномыслие с Лигдамом» (*Difference of opinion with Lygdamus*) и представляет собой разговор Проперция со своим рабом. Пятая и девятая части делятся на три фрагмента, одиннадцатая – на два.

В общей сложности из четырех книг Проперция, содержащих девятью две элегии, Э. Паунд обращается к элегиям из второй (11 элегий) и третьей (7 элегий) книг. Открывает поэму «Оммаж Сексту Проперцию» обращение к предшественникам римского поэта, творчество которых Проперций принимает в качестве образца: «Shades of Callimachus, Coan ghosts of Philetas / It is in your grove I would walk, / I

¹³ Лат. «Троя, – скажу я, – падешь, но Римом Троянским воскреснешь!». (IV, I, 87. Перевод Л. Остроумова).

¹⁴ Название сборника перекликается со строкой Овидия «Pauperibus vates ego sum, quia pauper amavi» («Бедным был я, любя, для бедных стал я поэтом») (*Наука любви*, II, 165).

¹⁵ Поэма состоит из двенадцати частей, в которых Э. Паунд обращается к любовным элегиям Проперция: в первой части – к первой элегии третьей книги, во второй – к третьей элегии третьей книги, в третьей – к шестнадцатой элегии третьей книги, в четвертой – шестой элегии третьей книги, в пятой – к первой и десятой элегиям второй книги, в шестой – к VIII и XIII элегиям второй книги, четвертой и пятой элегиям третьей книги, в седьмой – к пятнадцатой элегии второй книги, в восьмой и девятой – к двадцать восьмой элегии второй книги, в десятой – к двадцать девятой элегии второй книги, в одиннадцатой – к двадцать четвертой, тридцатой и тридцать второй элегиям второй книги, в двенадцатой – к тридцать четвертой элегии второй книги.

who come first from the clear font / Bringing the Grecian orgies into Italy, / and the dance into Italy»¹⁶ [12, p. 526]. Используя начальную элегию третьей книги Проперция в качестве пролога, Паунд, как и римский поэт, стремится обозначить основные темы своего творчества – тему любви и тему поэта и поэзии. Развивая тему горацанского «Памятника», Э. Паунд, скрываясь за маской Проперция, стремится подчеркнуть значимость собственного творчества не только для своих современников, но и для последующих эпох: «I ask a wreath which will not crush my head. / And there is no hurry about it; / I shall have, doubtless, a boom after my funeral, / Seeing that long standing increases all things / regardless of quality»¹⁷ [12, p. 526]. Важным представляется для Паунда тот факт, что прославленная Проперцием красота его возлюбленной будет продолжать жить в веках, несмотря на то, что имя Кинфии канет в лету, в отличие от воспетой красоты, которая, по мнению Паунда, обладает категорией вечности.

Во второй элегии «Оммажа» Паунд обращается к третьей элегии из третьей книги Проперция, которая представляет собой сон, увиденный им у подножия горы Геликон. Следует отметить, что Каллимах в «Причинах» также рассказывает о сне, в котором он снова стал молодым и беседовал с музами на Геликоне. Во сне Проперцию является муза эпической поэзии Каллиопа, которая и определяет тематику его произведений: «Content ever to move with white swans! / Obviously crowned lovers at unknown doors, / Night dogs, the marks of a drunken scurry, / These are your images, and from you the sorcerizing of / shut-in young ladies, / The wounding of austere men by chicane»¹⁸ [12, p. 530]. Таким образом, Каллиопа направляет его к занятию элегическим творчеством.

В третьей элегии «Оммажа» Паунд обращается к посланию, которое получает Проперций от своей госпожи (III, 16) и рассуждает о том, есть ли необходимость в том, чтобы беспрекословно повиноваться всем приказам возлюбленной, т.е. к нему закрадывается сомнение в искренности собственных чувств. В пятой элегии Проперций отказывается воспевать богиню любви Венеру и дает обещание обратиться к теме войны, для этого ему необходимо только закончить начатую и посвященную любви книгу: «The primitive ages sang Venus, / the last sings of a tumult, / And I also will sing war when this matter of a girl is exhausted»¹⁹ [12, p. 533]. В то же время поэт хочет показать, что вдохновение для своей книги он черпает не у Каллиопы и Аполлона, а у возлюбленной, которая предоставляет ему и темы, и новые предметы для книги. Обращаясь к Меценату, Проперций говорит о жребии, что если бы ему выпала честь воспевать войны, он бы отказался от этого, т.к. каждому свое место и на всякий день свое дело. Завершает «Оммаж» тридцать четвертая элегия из второй книги сборника Проперция, которая является программной и подводит итог всему творчеству Проперция, присоединяя его к числу таких поэтов, как Вергилий, Катулл, Кальв, Галл. К.П. Полонская отмечает, что «в программных элегиях (II, 1; II, 34), обрамляющих вторую книгу, Проперций неуклонно и убежденно возвращает Меценату, отстаивая свое право на поэтическую независимость, свое намерение заниматься любовной поэзией» [1, с. 79].

Заключение. Творчество Проперция соответствовало художественным ориентирам Эзры Паунда, поэтому он избирает произведения Проперция в качестве эталонного образца, но не стремится подражать им. Выбор римского поэта в качестве образца для подражания вовсе не случаен: Проперций ориентируется на александрийскую поэзию, считая себя последователем эллинистических элегиков Каллимаха и Филета. Проперций снискал себе славу «темного поэта», так как мифологические образы и сравнения в эллинистической манере придают элегиям Проперция тон учености. В этом смысле он близок Эзре Паунду, который также, как и римский поэт, пытался снабдить собственные произведения мифами, аллюзиями и отсылками к творчеству других авторов. Я. Пробштейн отмечает, что «Паунд писал стилизации тех римских поэтов, которые сами подражали грекам, избирая какую-либо литературную тенденцию и разрабатывая ее во всех возможностях. Так, Катулл переводил Сапфо, Проперций до гротеска усилил греческую элегию, Марциал имитировал эллинистическую эпиграмму. Срединное место Проперция, работающего с типом стиха, а не с отдельными стихотворениями и не с жанровой традицией; и его своеобразное «актуализующее» толкование элегии, которая предстает у него даже однажды как женская фигура – позволили Паунду сделать Проперция актуальным политическим автором» [10]. Поэма «Оммаж Сексту Проперцию» становится определяющим для творчества Эзры

¹⁶ Дух Каллимаха, косская тень Филета, / В вашу сень я иду, / Первым из чистейшего родника / Почерпнув для Италии греческие оргии и греческие пляски. / Кто учил вас, где слышали вы такие ритмы? / Чья стопа отбивала вам такт, чья вода орошала вам свист?

¹⁷ Хоть бы пару непачканных страниц с двувёршинного взгорья! / Не хочу венка, который плющит голову. Не спешу –/ После смерти и так мне будет слава. / Потому что издали все видно крупней, независимо от качества [14, с. 236].

¹⁸ «Твое дело – белые лебеди! / Нет: любовники в венках перед чьими-то дверьми, / И ночные псы, и следы пьяных драк, –/ Вот твои образы: твое дело –/ Очаровывать юных затворниц и язвить суровых стариков» [14, с. 239].

¹⁹ Ветхий век пел Венеру, а новый – битвы; / Так и я допою красавицу и начну про войну [14, с. 240].

Паунда, а само слово «оммаж», вынесенное поэтом в заглавие поэмы, – связующим звеном между римской элегией и современной поэзией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полонская, К.П. Римские поэты эпохи принципата Августа / К.П. Полонская. – М. : МГУ, 1963. – 106 с.
2. Стоппард, Т. Изобретение любви / Т. Стоппард. – СПб. : Азбука-классика, 2009. – 256 с.
3. Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. : библиографический указатель / сост. Е.В. Свиясов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. – 400 с.
4. Проперций, С. Элегии : пер. и примеч. А.И. Любжина / С. Проперций. – М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2004. – 271 с.
5. Стариковский, Г. Секст Проперций. Новые переводы / Г. Стариковский. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2008/3/prob.html. – Дата доступа: 15.04.2017.
6. Катулл. Тибулл. Проперций / Катулл. Тибулл. Проперций. – М. : Худ. лит-ра, 1963. – 512 с.
7. Ярхо, В.Н. Античная лирика / В.Н. Ярхо, К.П. Полонская. – М. : Высш. шк., 1967. – С. 155–164.
8. Паунд, Э. Стихотворения и избранные Cantos / Э. Паунд. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – 887 с.
9. Нестер, Н.В. Образ Рима в поэзии Эзры Паунда / Н.В. Нестер // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2005. – № 7. – С. 164–167.
10. Пробштейн, Я. Эпоха Паунда. К 130-летию со дня рождения Эзры Паунда (1885–1972). Приношение к юбилею: поэт среди поэтов / Я. Пробштейн. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/16418>. – Дата доступа: 23.05.2017.
11. Пробштейн, Я. Вечный бунтарь / Я. Пробштейн // Эзра Паунд. Стихотворения и избранные Cantos. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – С. 17–57.
12. Pound, Ezra. Poems & Translations / Ezra Pound. – N.-Y. : The Library of America, 2003. – 1364 p.
13. Гаспаров, М. Переводы с русского / М. Гаспаров. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/2003/1/gaspar-pr.html>. – Дата доступа: 23.05.2017.
14. Гаспаров, М.Л. Экспериментальные переводы / М.Л. Гаспаров. – СПб. : Гиперион, 2003. – С. 236–250.

Поступила 10.05.2017

THE ELEGIES OF PROPERTIUS IN THE EZRA POUND'S WORKS

N. NESTSER

The article deals with the elegiac works of the ancient Roman poet Sextus Propertius (about 50 – about 16 A.D.) in the works by the American poet Ezra Pound (1885–1972). E. Pound turns to the creative heritage of Propertius, because he is attracted by the reluctance of the Roman poet to propagate the ideas of Augustus, his desire to distance himself from social activities and turn to private life, expressing the spirit of his time and defending his creative independence. Creativity of Propertius was consistent with E. Pound's artistic orientations, so he refers to the heritage of the Roman poet, using fragments of quotations from his elegies, translating the works of Propertius with reliable accuracy, without distorting the meaning of the original. In honor of the Roman poet, Pound dedicates the poem «Homage to Sextus Propertius», which became the defining factor for the work of American poet, and the word «homage», which the poet made into the title of the poem, is the link between the Roman elegies and modern poetry.

Keywords: *elegy, mask, homage, translation, imitation, heritage, influence.*